

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА ИЖТИМОЙЙ ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1988

11

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

киргизов к мирному русскому населению было отмечено и начальником Аулие-Атинского уезда С. Н. Кастальским²².

Восстание 1916 г. было жестоко подавлено царизмом. Каратели не щадили ни женщин, ни детей, ни стариков. И это вызывало недовольство среди рядовых русских солдат. Были случаи, когда солдаты дезертировали в знак протеста против издевательств над мирным населением²³. Известен и такой факт. Близ сел. Токмак (Семиреченская область) прапорщик В. И. Голенко, беседуя с солдатами, разъяснил причины восстания казахов, причем дал ему положительную оценку²⁴.

В Коканде караульный батальон, в котором служил участник революции 1905—1907 гг. В. Н. Финкельштейн, отказался выступить на подавление восстания²⁵. На состоявшемся митинге В. Н. Финкельштейн призвал солдат батальона отказаться от участия в карательной экспедиции против восставших и предложил послать делегатов в соседние воинские части с тем, чтобы склонить их присоединиться к требованиям караульного батальона.

Большевик С. Цвиллинг отправил письмо тургайским повстанцам и воззвание к русским солдатам с призывом вместе бороться против царизма. «Письмо на солдат действовало отрезвляюще,— писал С. Цвиллинг своим товарищам,— пехотинцы дезертируют. Командующий Лаврентьев требует выслать больше казачьей кавалерии. Поскорее вышлите очередной боевой листок...»²⁶

Эти и другие факты нацеливают нас на необходимость дальнейшего глубокого и всестороннего изучения вопроса о классовой солидарности русского и коренного трудового населения Средней Азии и Казахстана в период восстания 1916 г.

Д. Х. Зияева

²² Там же, ф. И-1, оп. 31, д. 1100, л. 74.

²³ Соффер Д. И. Революционное движение солдат в Туркестане. Ташкент, 1969. С. 163.

²⁴ Там же. С. 162.

²⁵ Мужественные борцы за дело коммунизма. Ташкент, 1957. С. 236—237.

²⁶ Восстание 1916 г. в Казахстане... С 43.

ВЫСШИЙ БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ ОРГАН ЦАРИЗМА В ТУРКЕСТАНЕ

В обширной литературе, освещающей дореволюционное прошлое Туркестанского края, систему управления им колониальной администрацией, уделялось недостаточное внимание оценке классовой сущности таких органов царизма, как «Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора». Между тем под этим внешне непримечательным наименованием («канцелярия») на протяжении полувека действовал высший бюрократический орган колониального аппарата царизма в крае. Учитывая ту роль, которую он играл в проведении политики царизма в Туркестане, небезынтересно выявить конкретные функции этого органа, его структуру, штаты, личный состав чиновников канцелярии, их классово-сословную принадлежность, образовательный уровень и т. п.

Анализ исторических документов и имеющейся литературы показывает, что длительный и сложный процесс присоединения Средней Азии к России во второй половине XIX в. сопровождался постепенным созданием колониального аппарата управления, ставшего частью всего российского государственного механизма с его бюрократическим централизмом и сложной иерархией чиновников.

Основными задачами этого аппарата были обеспечение прочности колониального господства царизма в крае, неотграниченной власти военизированной бюрократии во главе с генерал-губернатором, поддержание удобного царизму классового «порядка» и подавление сопротивления угнетенных масс. В соответствии с этими задачами колониальный аппарат выполнял свои конкретные функции: административно-хозяйственную, финансовую, судебную, карательную и др.

По мере усложнения задач царизма по управлению краем усложнялся и аппарат. Этот процесс определялся прежде всего ростом производительных сил края и нарастанием национально-освободительной и классовой борьбы угнетенных масс. Создание промышленных предприятий, филиалов банков, строительство железных дорог, развитие городской жизни, проникновение новых, капиталистических форм в сельское хозяйство, усиление рыночных капиталистических отношений и др. требовали внесения в аппарат некоторых элементов буржуазной государственности: создания органов государственно-финансового контроля, представительных учреждений различных министерств, основ буржуазного судопроизводства и судопроизводства, разрешения смешанного и даже полностью выборного состава некоторых низовых звеньев управления и суда (так наз. «военно-народное управление») и т. п. Однако в условиях самодержавия и всепачи военно-чиновной бюрократии все эти меры носили половинчатый характер, значение выборных органов было ничтожно.

Созданные в Туркестане органы управления во все периоды их развития можно подразделить на следующие группы, соответствующие их месту в системе колониального аппарата: главное управление, подчиненное Военному министерству; областное

управление, подчиненное генерал-губернатору; уездное — военному губернатору; волостное и сельское управление, формально основанное на «выборных началах», но полностью зависящее от царских чиновников уездного и областного масштаба.

Главное управление было представлено генерал-губернатором¹, обладавшим почти неограниченной властью, состоявшими при нем чиновниками особых поручений по финансовой, горной, дипломатической и другим частям, а также его канцелярией.

Канцелярия туркестанского генерал-губернатора (КТГГ), созданная в 1867 г., играла роль высшего краевого исполнительного органа. Деятельность ее была весьма многосторонней и разнообразной по содержанию. На первых порах она сосредоточила в своих отделениях всю полноту полномочий в экономической, политической и административной сферах. Канцелярия всдала вопросами административно-штатного и инспекторского порядка, земельными вопросами и повинностями, дорожным строительством и горным делом, решением вопросов, связанных с протекторатом России над Хивой и Бухарой, связями с соседними странами Востока. В связи с этим она рассылала множество указаний и делала запросы в нижестоящие инстанции, получая в ответ поток отчетов и информационных сведений; осуществляла связь со всеми представительными и ведомственными учреждениями, высшими правительственными органами; вела обширное делопроизводство с неизменной бюрократической волокитой, процветавшей в недрах ее отделений.

Особо значительной была роль канцелярии в подготовке и проведении в жизнь различных нормативных актов по управлению краем. Вместе со специально созданными правительственными комиссиями канцелярия принимала участие в разработке всех туркестанских законопроектов, поступавших далее на рассмотрение министерств и Государственного Совета.

Важное место в деятельности канцелярии отводилось ее распорядительному отделению, осуществлявшему «определение к должностям, кои замещение ему представлено; надзор за подчиненными местами и лицами; решение дел и принятие мер к исполнению законов; представление высшему начальству». Оно самым активным образом занималось кадровыми вопросами, комплектованием чиновниками разных специальностей и рангов всех государственных учреждений в крае.

Надо сказать, что широкие полномочия краевой администрации с самого начала оказались урезанными в одной из важнейших для самодержавия отраслей управления — финансово-налоговой. Постановлением Государственного Совета от 3 июня 1869 г. была учреждена Туркестанская казенная палата, подведомственная Министерству финансов, а несколько ранее, в марте 1868 г., — Туркестанская контрольная палата, представительство Государственного контроля. Главной функцией последней была проверка финансовой отчетности колониальной администрации. Практиковавшиеся в ее деятельности, хотя и в ограниченных масштабах, гласность, формальное соблюдение законности, тщательные проверки бюджетно-сметной документации резко ослабляли ее положение в Туркестане, поскольку привели ее в состояние хронического конфликта с краевой администрацией, построенной на принципиально иных, феодально-бюрократических началах. Кауфманская администрация, особенно в 70-х годах, упорно отстаивала свое право на бесконтрольное расходование бюджетных средств. Конфликты нередко разрешались в пользу К. П. Кауфмана, широко использовавшего свое право обращения с апелляциями к военному министру или прямо к императору.

Во всех остальных отраслях управления роль краевой администрации оставалась решающей вплоть до введения «Положения 1886 г.» Это особо отмечено ревизионной комиссией под руководством тайного советника Ф. Гирса, который писал, что «канцелярия стала под незаконной и несвойственной ей высоте главного решающего учреждения»².

Новый нормативный акт 1886 г. несколько ограничил произвол генерал-губернатора и его администрации введением нового органа — Совета туркестанского генерал-губернатора, которому было предоставлено право законодательного почина в вопросах, связанных с практикой управления краем. Кроме того, его ведению подлежали вопросы поземельно-податного устройства, земских повинностей и общедминистративного характера.

Формальная коллегиальность⁴ в обсуждении насущных проблем управления, до некоторой степени ослабив «бюрократический радикализм» главных начальников края, вызвала многочисленные нарекания со стороны наиболее реакционно настроенных деятелей, считавших, что Совет только подрывает престиж генерал-губернаторской власти⁵.

¹ Вопрос о генерал-губернаторах подробно изложен в нашей статье «Из истории туркестанского чиновничества второй половины XIX — начала XX в. // Сборник научных трудов ТашГУ им. В. И. Ленина: Вопросы социально-экономической истории дореволюционного Туркестана. Ташкент, 1985. С. 32—47.

² Свод законов Российской империи. Т. II. СПб., 1892. С. 19.

³ Гирс Ф. К. Отчет по ревизии Туркестанского края. СПб., 1888. С. 10.

⁴ Членами Совета являлись военные губернаторы областей, управляющие Казенной и Контрольной палатами, начальник штаба ТуркВО, правитель канцелярии.

⁵ Пален К. К. Отчет по ревизии Туркестанского края: Краевое управление. СПб., 1910. С. 13—15.

Преобразования, связанные с разработкой и введением в действие «Положения 1886 г.», привели также к ликвидации судебного отделения канцелярии туркестанского генерал-губернатора, выполнявшего роль высшей апелляционной инстанции для судебных отделений областных правлений и уездных судов. Функции судебного отделения стали выполнять областные суды, а с 1899 г. — Ташкентская судебная палата, ставшие своеобразным противовесом «военно-народному» управлению.

Урезаны были полномочия генерал-губернатора и его канцелярии и во внешне-политических вопросах. Это относится прежде всего к русско-бухарским отношениям. В январе 1886 г. было учреждено Российское императорское политическое агентство в Бухаре — орган Министерства иностранных дел. С 1899 г. внешнеполитические вопросы в Туркестане в целом также были поставлены под контроль Министерства иностранных дел. Они перешли в ведение дипломатического чиновника, находившегося в двойном подчинении и непосредственно занимавшегося связями с сопредельными странами. Однако стремление сконцентрировать все дипломатические дела в ведении чиновника внешнеполитического ведомства не было последовательно проведено в жизнь. За начальником Закаспийской области было оставлено право самостоятельно решать вопросы пограничных сношений с Ираном, а начальник Аму-Даринского отдела сохранил статус дипломатического представителя при хивинском хане.

С 1900 г. была учреждена должность помощника туркестанского генерал-губернатора, назначаемого царем. Помощник заменил генерал-губернатора на посту председателя Совета⁶.

Одновременно свобода действий генерал-губернатора было существенно ограничена по ведомственной линии. В конце XIX — начале XX в. она находилась под жестким контролем Военного министерства. Осуществлявшая этот контроль Азиатская часть Главного штаба принимала непосредственное участие в окончательном решении всех более или менее важных вопросов колониального управления.

Верхние этажи колониального аппарата были представлены российским служилым дворянством из военного и гражданских ведомств. Все служебные чины, как и по всей России, согласно табели о рангах, подразделялись на 14 классов, соответствовавших определенным должностям. Основные вопросы, связанные со службой чиновников в Туркестане, можно уяснить из их послужных (или формулярных) списков, сосредоточенных в распорядительном отделении канцелярии туркестанского генерал-губернатора. Это наиболее достоверный источник, содержащий данные о сословном, образовательном, возрастном составе чиновников, их передвижении по служебной лестнице, имущественном положении. Правда, в отдельных случаях сведения о тех или иных чиновниках неполные или искаженные, а некоторые формулярные списки отсутствуют.

Нами собраны данные о чиновниках канцелярии туркестанского генерал-губернатора за 50 лет. Здесь мы приведем лишь сравнительные данные за несколько лет ее деятельности.

Штат канцелярии комплектовался постепенно. В 1868 г. в ней состояло 18 человек, в 1870 г. — 26, в 1875 г. — 46, в 1906 г. — 51, а к 1917 г. — 56 человек⁷. Возрастание штата вызывало недовольство в Петербурге и не раз становилось предметом критики деятельности туркестанской администрации в министерских кабинетах и печати. Поэтому содержание дополнительных штатов, как правило, относилось на «доходы областей», т. е. ложилось на плечи трудящихся масс края.

В состав КТГГ входили правитель канцелярии, его помощник, старшие и младшие делопроизводители, бухгалтер и мелкие канцелярские чиновники, стоявшие на самой низшей ступени служебной лестницы и игравшие в основном «техническую» роль.

Исключительное положение среди чиновников канцелярии занимал ее правитель. На эту должность назначались лица, занимавшие ранее высокие посты в аппарате управления Туркестана или других губерний России. Как правило, это были царские генералы, занимавшие чины не ниже V класса по табели о рангах (А. К. Гейнс, А. И. Гомзин, П. П. Каблуков, Н. С. Щербинский, К. А. Нестеровский, М. Бродовский, Г. П. Федоров, В. А. Мустафин и др.).

Их деятельность фактически была недоступна никакому контролю, и вскоре правители канцелярии из чиновников-исполнителей превратились в чиновников-распорядителей. Генерал-губернатор, не имея возможности лично просматривать все дела, поручал докладывать о них правителю, и часто решение тех или иных дел зависело от того, как о них доложил правитель. Бывали случаи злоупотребления служебным положением, когда, как отмечает в своем отчете Ф. К. Гирс, «управляющий канцелярией делал доклады от имени начальника края, но без доклада о них генерал-губернатору»⁸.

Значительная часть управляющих канцелярией оказалась, однако, мало сведущей в вопросах административного управления и не соответствовала той роли, которую возлагал на них занимаемый пост.

⁶ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 27, д. 659, л. 11.

⁷ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 20, д. 2439, л. 1—3; д. 2295, л. 40—42; оп. 33, д. 295, л. 93—101, 260; д. 321, л. 165; д. 328, л. 21—51; д. 330, л. 18.

⁸ Гирс Ф. К. Отчет... С. 10.

Так, в течение восьми лет при К. П. Кауфмане правителем канцелярии состоял генерал-майор А. И. Гомзин, которого современники характеризуют как «человека самого заурядного... с административной деятельностью мало знакомого», «без образования, но хорошо знавшего бухгалтерское дело», однако «охладевшего к своим обязанностям уже через год»⁹.

Широкую негативную огласку в российской печати получило имя другого управляющего канцелярией — П. П. Каблукова, преданного за злоупотребления служебным положением суду, но отделавшегося, благодаря связям, несколькими месяцами тюрьмы. При нем делопроизводители канцелярии, как пишет А. И. Добросмыслов, вынуждены были «зорко следить за своим начальником, чтобы поймать его хотя бы для подписи бумаг»¹¹.

До чина тайного советника дослужился в Туркестане Г. П. Федоров, не имея для этого, по словам современника, «ни выдающихся способностей, ни особых заслуг по прямой службе», более известный ташкентскому обществу начала XX в. «как любитель удовольствий и суфлер»¹².

На основе изучения формулярных списков чиновников КТГГ нам удалось проследить и проанализировать их сословный и образовательный уровень. Сравнительные данные за 1870, 1902 и 1916 гг. выглядят следующим образом:

	1870 г.	1902 г.	1916 г.
Дворяне	16	20	24
Дети обер-офицеров и духовенства	7	6	2
Разночинцы	11	18	23
Лица, сословная принадлежность которых не установлена	—	—	7

Анализ показывает, что большинство чиновников составляли дворяне, но постепенно их удельный вес снижался и возрастала доля разночинцев. К последним относились дети канцелярских служителей, не имевших классного чина, мелких служащих, представители различных податных сословий. Как правило, это была наиболее верноподданная категория чиновников¹³.

Обратимся теперь к образовательному уровню чиновников КТГГ. «Положение о порядке производства в чины по гражданской службе» подразделяло всех чиновников по образованию на три разряда: лица с высшим образованием, со средним образованием и лица, окончившие низшие учебные заведения либо получившие образование на дому. Имевшие низшее образование обычно заканчивали уездные училища, что составляло примерно 4 класса гимназии, без изучения иностранного языка, а домашнее образование в большинстве своем сводилось к знанию грамматики и четырех правил арифметики¹⁴. По образовательному уровню чиновники КТГГ распределялись следующим образом:

Образование	1870 г.	1902 г.	1916 г.
Высшее	8	7	12
Среднее	12	8	30
Низшее	10	14	8
Домашнее	4	4	6
Без образования	—	1	—

Как видим, образовательный ценз большинства чиновников канцелярии был крайне низким. Как отмечал А. И. Добросмыслов, «лиц с высшим образованием избегают брать на службу в канцелярию. Большинство с низшим образованием. Этот недостаток кладет особый отпечаток и на дела, особенно важные, требующие более широкого кругозора»¹⁵.

Все чиновники канцелярии, имевшие классные чины от коллежского регистратора (XIV класс) до тайного советника (III класс)¹⁶, были высокооплачиваемыми. Так, по данным за 1916 г., из 56 человек примерно 70% имели большие оклады.

Правителю канцелярии было назначено содержание в 5000 руб.¹⁷, позднее (с 1876 г.) возросшее до 7000 руб. в год — во много раз больше содержания прави-

⁹ Добросмыслов А. И. Ташкент в прошлом и настоящем. Ташкент, 1912. С. 444.

¹⁰ Федоров Г. П. Моя служба в Туркестане // Исторический вестник. Сентябрь — октябрь, 1913.

¹¹ Добросмыслов А. И. Указ. соч. С. 448.

¹² Там же. С. 451.

¹³ Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978. С. 25.

¹⁴ Там же. С. 33.

¹⁵ Добросмыслов А. И. Указ. соч. С. 453.

¹⁶ Чины I и II класса чиновникам канцелярии практически не давались.

¹⁷ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 20, д. 468, л. 1.

теля канцелярии во внутренней губернии России¹⁸. Это было отмечено во время ревизии Ф. К. Гирса в 1883 г.: на данном примере туркестанское чиновничество обвинялось в незаконном получении сверх положенного¹⁹.

Остальные чиновники получали: до 1000 руб. — 7 человек, до 1500 — 12; младшие делопроизводители — до 2000 руб., старшие — 2500 руб. в год.

За выслугу чиновникам КТГГ назначалось так наз. прибавочное жалование, составлявшее 20% от основного оклада за первое пятилетие службы, 40% — за второе, 75% — за третье. Чиновники, прослужившие в Туркестане 20 лет, получали пенсию в сумме, равной половине их оклада, а прослужившие 25 лет — в размере полного оклада²⁰.

Отпуска предоставлялись на 28 дней ежегодно, на 2 месяца — один раз в полтора года, на 4 месяца — раз в три года, но лишь в случае выезда за пределы края²¹.

Чиновничья верхушка канцелярии обеспечивалась зимним и летним помещением с отоплением, освещением и прислугой, а прослужившие в Туркестане непрерывно в течение 10 лет получали право бесплатного проезда по железной дороге²².

Эти и другие льготы привлекали в Туркестан разных людей. Одни рассчитывали на быстрое продвижение по служебной лестнице и возможность легко разбогатеть. Другие были вынуждены приехать сюда в силу неприятностей личного или служебного порядка.

Вместе с тем среди чиновников канцелярии в разное время работали и представители той части русской интеллигенции, которая стремилась служить честно и в меру своих сил и возможностей способствовать распространению в крае образования и культуры. Например, в 1868—1892 гг. в КТГГ работали известный исследователь, географ и этнограф Н. А. Маев, библиограф-краевед, составитель уникального каталога Туркестанской публичной библиотеки, автор «Библиографического указателя сочинений о Средней Азии» Н. В. Дмитриевский. Чиновники канцелярии П. И. Хомутов, Ш. М. Ибрагимов, М. Бродовский, К. А. Нестеровский и некоторые другие отличались реалистическими взглядами на многие вопросы социально-экономической и культурной жизни Туркестана.

В целом же канцелярия туркестанского генерал-губернатора была тем звеном в системе бюрократического колониального аппарата, где наиболее ярко процветали взяточничество и беззастенчивое расхищение казенных денег.

О коррупции чиновничьего аппарата можно судить хотя бы по ведомостям привлекавшихся к уголовной ответственности за должностные преступления.

Так, в 1870 г. был привлечен к уголовной ответственности бухгалтер и казначей канцелярии, титулярный советник А. Пинягин; в 1875 г. — помощник правителя канцелярии Савенков и полковник Гюс — за аферы с устройством конного завода и растрату 47 тыс. руб. казенных денег²³. В 1895 г. заведующий домом и дачей генерал-губернатора Венедиктов за казнокрадство был приговорен судом к ссылке в Сибирь на 12 лет, замененной впоследствии «увольнением от занимаемой должности»²⁴. Причем увольнение чаще всего осуществлялось по «прошению» провинившихся и благодаря такой мере, как пишет А. И. Добросмыслов, «вершители разных темных дел сейчас же пристраивались в других учреждениях, внося в них свою гнилую атмосферу»²⁵.

В 1909—1915 гг. Ташкентская судебная палата рассматривала дела чиновников канцелярии В. Соловьева, М. Скворцова, Н. Бабкина и других, допустивших злоупотребления по службе²⁶. Так под личиной «усердного служения» царизму шел процесс прогрессирующего разложения личного состава высшего органа колониального управления краем.

Уголовные дела этой коррумпированной чиновничьей клики, видимо, и послужили источником для введения в литературный оборот великим русским сатириком М. Е. Салтыковым-Щедриным собирательного определения «господа-ташкентцы», ставшего на долгие годы крылатым выражением для обозначения чиновника-стяжателя, назнокрада, невежественного самодура.

Все сказанное позволяет утверждать, что российский бюрократический стиль управления был перенесен во всем своем многообразии и в Туркестан. Здесь, как и по всей царской России, главным его признаком был крайний централизм, согласно которому все полномочия, большинство распорядительных и исполнительных функций сосредоточивались в руках генерал-губернатора и его канцелярии, деятельность которых была направлена на проведение в крае колониальной политики царизма.

Н. А. Абдурахимова

¹⁸ Там же, оп. 28, д. 423, л. 10. По штатам Министерства внутренних дел оклад правителя канцелярии в российских губерниях составлял 600 руб. в год.

¹⁹ Гирс Ф. К. Отчет... С. 19.

²⁰ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 33, д. 212, л. 10; д. 77, л. 16.

²¹ Там же, оп. 28, д. 1113, л. 20.

²² Там же, оп. 33, д. 212, л. 10; д. 77, л. 240.

²³ Там же, оп. 20, д. 3479, л. 1; Гирс Ф. Отчет... С. 15.

²⁴ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 28, д. 258, л. 7—10, 13.

²⁵ Добросмыслов А. И. Указ. соч. С. 453.

²⁶ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 33, д. 320, л. 180, 185, 385; оп. 35, д. 48, л. 265.

O'ZBEKISTON RESPUBLIKASI FANLAR AKADEMIYASI
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

O'ZBEKISTONDA
IJTIMOIY
FANLAR

1999

3—4

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Издается с мая 1957 г. Выходит по 12 номеров в год

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

соответствующего денежного знака в объеме, обеспечивающей определенную степень схождения фальшивого денежного знака с подлинными.

Подделка с целью сбыта денежных знаков, не находящихся в обращении (например, монет чеканки российских царей), не может квалифицироваться по ст. 176 УК Республики Узбекистан, так как их изготовление или сбыт не наносят ущерба функционирующей денежной и кредитной системе. Такие действия, при наличии всех других обязательных признаков, должны квалифицироваться как мошенничество по ст. 168 УК Республики Узбекистан.

Изготовление фальшивых денежных знаков — преступление, которое совершается только с прямым умыслом. Умысел виновного включает в себя сознание общественно опасного характера совершаемых действий, направленных на изготовление фальшивых денежных знаков, и желание изготовить таковые с целью последующего их сбыта под видом подлинных.

Сбыт фальшивых денежных знаков тесно связан с их изготовлением, ибо сбыт предполагает первоначальное изготовление фальшивок, а само изготовление осуществляется с целью сбыта. Однако закон признает каждое из этих деяний самостоятельным преступлением. Нельзя не учитывать, что не сбытчики фальшивых денежных знаков, а их изготовители представляют своей деятельностью главную опасность. С другой стороны, функционирующей денежной системе непосредственно наносит ущерб не само изготовление фальшивых денежных знаков, а их сбыт, ввод в обращение. При этом далеко не всегда изготовление и сбыт фальшивых денежных знаков осуществляются одними и теми же лицами: в отдельных случаях каждое из этих деяний может быть полностью совершено самостоятельно (изготовитель фальшивок и их сбытчик могут и не знать друг друга).

В свете сказанного надо отметить, что доллары США находятся в обращении с 1928 г., не претерпев каких-либо значительных изменений. Американские доллары — самая популярная в мире валюта, однако защищены они слабо, что и обусловило появление огромного количества фальшивок. С компьютеризацией общества проблема эта усугубилась, ибо упростилась технология подделки денежных знаков.

Так, в июле 1997 г. за фальшивомонетничество были привлечены к уголовной ответственности жители Ташкента А. Х., Б. Р., Д. А. и Ж. П.

С целью подделки и сбыта американских долларов Б. Р. вступил в преступный сговор с Ж. П., А. Ч., Д. А., Е. А., в результате чего было изготовлено 5300 фальшивых американских долларов, часть из которых они сбыли. За это преступление указанные лица осуждены по ст. 176 УК Республики Узбекистан «Изготовление, сбыт поддельных денег или ценных бумаг» к длительным срокам лишения свободы с конфискацией имущества и с отбыванием наказания в колонии строгого режима³.

Приведенные выше факты свидетельствуют, что фальшивомонетничество может иметь место в любом государстве и обществе. Содержание преступления раскрывается в общественной опасности преступления. Поэтому следует согласиться с А. С. Якубовым в том, что «любое преступление по своим объективным свойствам является общественно опасным и противоправным деянием (действием или бездействием), которое выступает в качестве основного признака любого состава преступления, поскольку его отсутствие исключает наличие состава преступления»⁴. Следовательно, необходимо всесторонне усиливать охрану экономики от преступников, подрывающих экономическую систему государства и причиняющих ущерб материальным интересам граждан.

Абдо Салех Абдулла аль-Дамари

³ Куч — адолатда. 1998. № 3. 31 окт. С. 4.

⁴ См.: Якубов А. С. Учение о преступлении по законодательству Республики Узбекистан. Ташкент. 1995. С. 60.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ КОЛОНИЗАТОРСКОЙ ПОЛИТИКИ ЦАРСКОЙ РОССИИ В ТУРКЕСТАНЕ

В принятой Олий Мажлисом Концепции национальной безопасности Республики Узбекистан национальные интересы определены как осознанные потребности нации в самосохранении в качестве культурно-исторической общности, защите национальных ценностей, общественных и государственных институтов, обеспечении суверенитета, устойчивого развития личности, общества и государства. В их числе — обеспечение духовного возрождения нации и национального самосознания; защита духовно-нравственных, культурных, исторических и других демократических ценностей общества. Национальное самосознание, по словам Президента Республики Узбекистан И. А. Каримова, начинается со знания истории, а для человека, как и для общества, отлучение от своей истории означает лишение смысла собственной жизни¹.

¹ Каримов И. А. Тарихий хотирасиз келажак йўқ. Тошкент, 1998. 5-б.

В этом аспекте весьма важное значение имеет глубокое изучение и правильное понимание многовековой истории Узбекистана, в том числе периода превращения его в колонию царской России.

Царские колонизаторы, завоевывая наш край и «осваивая» его как свою колониальную окраину, сырьевой придаток метрополии, преследовали свои корыстные цели, отвечавшие имперским устремлениям и интересам, которые они порой выражали открыто, но чаще — в завуалированных формах, ссылаясь на «цивилизаторскую миссию» России на Востоке и т. п.

В этом отношении заслуживает, в частности, внимания книга А. И. Макшеева «Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских»², сохранившаяся в единственном экземпляре в Государственной библиотеке Республики Узбекистан им. А. Навои. Вначале несколько слов об авторе. Капитан А. И. Макшеев, офицер Генерального штаба русской армии, принимал непосредственное участие в обоих походах экспедиции генерал-адъютанта Перовского в Туркестан. Позднее в Николаевской Академии Генштаба читал лекции по военной истории, теории военного искусства, истории Туркестана и, естественно, по его собственным словам, истории «наступательного движения русских» в Туркестане. Хотя в своем обзоре автор и пытался выглядеть в роли «объективного» военно-исторического мемуариста, однако во многом его взгляды схожи с официальной доктриной российской дипломатии того периода. В частности, они повторяют известные постулаты «железного канцлера» Горчакова, заявлявшего, якобы Россия «отнюдь не посягает на чужое, а защищает свое», усматривая в походе на Туркестан защиту «своих национальных интересов»³.

Макшеев выделяет четыре основных акта движения русских к Туркестану. Первый акт, относящийся к XVI—XVII вв., состоял в эпизодических попытках направления сюда немногочисленных экспедиций. В их числе, наряду с набегами яицких казаков на Хиву, было направление посольств И. Д. Хохлова в Хиву, Бухару, Самарканд (1620), А. Грибова в Бухару (1646), И. Федорова, М. Муромцева (1669), которые побывали в Хиве, Ханке, Хазараспе и т. д.⁴

Второй акт, по Макшееву, — это занятие и устройство Оренбургско-Сибирской пограничной линии при Петре I. Получив в 1714 г. сведения о том, что на Амударье добывается песочное золото, Петр отрядил экспедицию князя А. Бековича-Черкасского в составе трех с половиной тысяч человек, дав ему задание отправить послом к хивинскому хану, а по пути обследовать тайным образом течение реки, устье которой, ведущее в Аральское море, предполагалось запретить, обратив ее в Каспийское море, осмотреть близ плотины удобное место для крепости, а возможно и для строительства города. Хана склонять «к верности и к подданству, чтобы он радел в наших интересах», а заодно проведать у него и о бухарском хане, «не можно ли его, если получится, в наше подданство привести, а ежели того нельзя сделать, то привести в дружбу таким же манером, как и хивинского хана» (имелось в виду обещать ему наследственное владение ханством и выделить на службу часть русской гвардии). Ссылаясь на русского исследователя истории Хивинского ханства Н. И. Веселовского, Макшеев указывает на «странное двусмысленное положение экспедиции Бековича как мирного посланника, с одной стороны, и предводителя военного отряда, следовательно, неприятеля, — с другой»⁵.

Третий акт (начавшийся с середины XVIII в.) заключался в упрочении позиций России на территории нынешнего Северного и Центрального Казахстана, возведении там передовых укреплений с прямым приближением к Туркестану.

Четвертый акт — занятие территорий туркестанских ханств. Этот акт, можно сказать, был непродолжительным. Уже в 1839 г., когда англичане заняли Кандагар и Кабул, царские войска предприняли поход в Хиву⁶.

После этого выступления российских войск в сторону Туркестана стали учащаться. В этой связи будущий оренбургский военный губернатор генерал Обручев в переписке с Петербургом заявлял, что «если мы не займем низовья Сыра, то могут занять англичане»⁷.

14 ноября 1839 г в Оренбурге была обнародована декларация, в которой была обозначена главная цель военной экспедиции: «силой оружия обеспечить на будущие времена права и пользы российских подданных; положить конец грабежам и насилиям..., внушить должное уважение к имени русскому и упрочить то влияние, которое одно может служить залогом сохранения мира в сей части Азии»⁸. Далее говорилось, якобы «лишь только цель сия будет достигнута и утвердятся новый порядок вещей,

² Макшеев А. И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб., Военная типография Главного Штаба, 1890.

³ Убайдуллаев У. А. Некоторые вопросы истории Узбекистана // Общественные науки в Узбекистане. 1997. № 12. С. 43.

⁴ Макшеев А. И. Исторический обзор... С. 49—50.

⁵ Там же. С. 52, 62.

⁶ Там же. С. 118.

⁷ Там же. С. 101.

⁸ Там же. С. 119.

соответствующий взаимным пользам России и смежных с ней областей азиатских, то посылаемый отряд войск возвратится в пределы империи». Макшеев пишет, что это обещание преследовало цель успокоить англичан. Чуть позже, однако, генерал В. А. Перовский прямо напишет: «Русские пришли сюда не на день и не на год, а на вечные времена...»⁹

Говоря о мотивах, побудивших правящие круги Российской империи к «движению в Туркестан», Макшеев утверждает, якобы эта экспансия царизма составляла «одну из важных сторон жизни русского народа» и совершалась «под влиянием географических, этнографических, экономических и политических условий»¹⁰. При этом делалась ссылка на то, что «географические условия имеют огромное влияние на образование и развитие государства, что равнины представляют удобства для сближения между людьми»; а также, что «азиатские народы, будучи, дескать, «малочисленными, разбросанными, раздробленными, не могли приобрести значение исторических народов»¹¹. Так оценивали царские колонизаторы народы Востока — древнейшего очага мировой цивилизации!

Исходя из подобных суждений, Макшеев делает вывод, что «роль исторического народа досталась славянскому народу, русским. Последовавшая затем борьба между различными цивилизациями, христианской и мусульманской, — по словам автора, — принесла победу русским, которые приобрели прочное господство над инородцами благодаря своему национальному характеру, отличающемуся мягкостью и терпимостью». В «движении» Российской империи в Туркестан, заявлял Макшеев, «презрение и ненависть, всякие предубеждения напрочь отсутствуют, а дружелюбие резко отличает нас от англичан». И вообще, мол, «не оружием, а нравственными качествами русского народа упрочилось господство России в Азии»¹². Так колонизаторские устремления царизма генштабист Макшеев пытался оправдать «нравственным» качеством русского народа, задавленного гнетом царского самодержавия!

Что касается экономических интересов империи в Туркестане, то Макшеев вынужденно признает и интерес Петра к амударьинскому золоту, и ряд других материальных факторов, но тут же заявляет, что они, дескать, не имели «серьезного значения». Царская Россия, по словам Макшеева, «не осуществляла целей обогащения и тратила во вновь занимаемых странах более, чем получала с них: Кавказ и Туркестан до настоящего времени содержатся в ущерб государственной казны»¹³. Далее он утверждает, что «Россия не смотрела на занимаемые ею страны как на что-то придаточное, подлежащее только эксплуатации, а относилась к ним как к составным частям государства, имеющим одинаковое право на благосостояние и развитие». Население захваченных царизмом стран пользовалось, оказывается, «не только равноправностью, но еще и разными льготами». И тем самым Российская империя «установила прочные связи с ними, на основании обоюдных интересов (?) и с течением времени соединялась с ними в одно органическое целое, обнявшее в настоящее время весь восток Европы и Азию». И наконец, последний вывод автора: «в построении такого колоссального здания экономические стремления имели слабое значение»¹⁴. Возникает вопрос — если эти колониальные захваты совершались в «ущерб государственной казне» и вообще какие-либо стратегические цели «не преследовались», то к чему была царизму вся эта весьма недешежая затея?!

Экономика и политика всегда и неизбежно соседствуют, будучи взаимосвязанными, взаимозависимыми и влияющими друг на друга, а потому обратимся к политическим расчетам царского правительства в движении на юг и на восток. Оказывается, если верить Макшееву, «политические расчеты при движении русских имели такое же слабое значение, как и экономические». Все это якобы было «чисто народным делом». И велось наступление на Туркестан «без определенного плана», под влиянием случайностей; царское правительство, видите ли, «довольствовалось оборонительными мерами и противилось наступательным предприятиям». Если же все-таки наступательное движение продолжалось и во все более широких размерах, то это, мол, происходило «не по желанию центрального правительства, а по стечению благоприятных обстоятельств и по почину властей на окраинах» (?) и вообще движение царизма на Восток было будто бы результатом не политических или экономических расчетов, а скорее «делом безотчетного народного творчества, подчиняющегося высшему закону, исторической необходимости» (?)¹⁵.

Возникает вопрос — что это за «народное творчество», что это за «высший закон и историческая необходимость»? Кем писан этот закон, грубо посягавший на суверенные права и национальные интересы народов Туркестана?

Нам и до, и после 1917 года пытались навязывать всякие «законы», лишить нас нашей истории, извратить ее в угоду «Центру» и т. п. Но история опрокинула все

⁹ Там же. С. 153.

¹⁰ Там же. С. 38.

¹¹ Там же. С. 38—39.

¹² Там же. С. 39.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 40.

¹⁵ Там же. С. 40—41.

эти расчеты, и теперь мы обретаем реальные представления о нашем историческом прошлом. Лишить наш народ исторической памяти не удастся никому. Как подчеркивает Президент Республики Узбекистан И. А. Каримов, «каждый член общества, хорошо знающий свое прошлое, не сойдет с избранного пути и не подпадет под влияние разных догм. Уроки истории учат человека быть бдительным и укрепляют его волю»¹⁶.

У. А. Убайдуллаев

¹⁶ Каримов И. А. Тарихий хотирасиз келажак йўқ. 9-б.

ОТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ К ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ЦАРИЗМА В ТУРКЕСТАНСКОМ КРАЕ

Обретение нашей республикой независимости позволило ученым-историкам Узбекистана приоткрыть такие страницы его истории, которые ранее оставались закрытыми и в силу идеологических установок считались «неактуальными» и не заслуживающими внимания. Одной из них являются отношения Государственной думы Российской империи к Туркестану. Сложные и неоднозначные, они охватывали достаточно широкий спектр экономических и политических вопросов. Одним из основных в их числе было отношение Государственной думы к проблемам переселения крестьян из Центральной России и Поволжья в Туркестан.

Хотя после роспуска II Государственной думы 3 июня 1907 г. Туркестан был лишен избирательного права, интерес Думы к Туркестану не только не ослабел, а значительно усилился в связи с большим его стратегическим, политическим и экономическим значением. Лишение избирательных прав было еще одним проявлением дискриминационной, колониальной политики царизма по отношению ко всем народам Туркестана.

Осенью 1907 г. на свое первое заседание в Таврическом дворце в Петербурге собралась III Государственная дума. Депутаты от Туркестана в ней представлены не были и, следовательно, отстаивать интересы края в Думе было некому. На своих заседаниях депутаты Думы вспоминали о Туркестане нечасто, в основном в связи с переселенческим вопросом.

Колонизаторская политика царской России, в том числе переселенческая, — тема сложная и неоднозначная. К ее рассмотрению нужно подходить с учетом целого ряда факторов и региональных особенностей. И прежде всего встает очень важный вопрос: какие цели преследовались царским правительством при проведении переселенческой политики в Туркестане? На наш взгляд, главными из них были:

— решение острейшего аграрного вопроса (малоземелье крестьян) не за счет резервов Центральной России, а путем изъятия земель у коренного населения колониальных окраин;

— экономическое укрепление и усиление социальной опоры и проводника имперской колониальной политики.

Надо сказать, что процесс самовольного переселения крестьян в Туркестанский край начался еще в конце XIX в. и проходил самовольно и бесконтрольно. Государство занимало при этом самую выгодную для него позицию: «не запрещать и не разрешать»¹. Официально край был вообще закрыт для переселенцев, так как по Положению об управлении Туркестаном царское правительство обещало сохранить за местным населением его земельные угодья. Так что для заселения свободных, орошаемых (подчеркнем этот момент) земель здесь не было.

6 июля 1904 г. был обнародован новый переселенческий закон. На основе его все ранее прибывшие в Туркестан самовольные переселенцы были узаконены². Однако переселенческое дело в крае по-прежнему оставалось неорганизованным — не было средств и свободных орошаемых земель.

После 1905—1907 гг. положение изменилось. Россия вступила в полосу столыпинской аграрной реформы. Наряду с насаждением хуторов и отрубов³ новая аграрная политика предполагала массовое переселение крестьян за Урал, в том числе в Туркестан, где переселенцы в основном устраивались в степных районах Семиречья и Сырдарьинской области.

Но, как писал в своем отчете граф К. К. Пален, в переселенческом деле царил «полнейший хаос»⁴. Значительная часть неустроенных переселенцев возвращались в

¹ Фомченко А. П. Русские поселения в Туркестанском крае. Ташкент, 1983. С. 50.

² Вопросы колонизации. СПб., 1908. № 4. С. 203.

³ По просьбе домохозяев разрозненные земельные участки могли быть соединены вместе, так получался отруб. Если на отруб переносилось жилье, то он превращался в хутор.

⁴ Пален К. К. Отчет о ревизии в Туркестанском крае (Переселенческое дело в Туркестане). Т. VI. СПб., 1910. С. 41.